

АЛЬТЕРНАТИВЫ ALTERNATIVES

Читайте в номере:

100 ЛЕТ БЕЗ ЛЕНИНА?

Трудный путь к успеху

Критика вчера и сегодня

Ленин и судьбы «европейской цивилизации»

а также:

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(1883-1903):

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАСЛЕДИЮ

«Освобождение труда»: к истории и теории вопроса

Либерализм и российская социал-демократия:

выбор Г. В. Плеханова

1 (122)

2024

**Теоретический и
общественно-политический
журнал**

**№ 1
2024**

100 ЛЕТ БЕЗ ЛЕНИНА

<i>Дэвид Лэйн</i>	Ленин и революция: критика — вчера и сегодня	6
<i>В. Калашиников</i>	Ленин и октябрь: трудный путь к успеху	36
<i>Ёзюр Ёзторк</i>	Переосмысление, открытие заново и реконструкция Ленина	49
<i>М. Конашев</i>	Был ли «реальный социализм» социализмом, или сверхактуальность Ленина	64
<i>Пауло де Лима</i>	Ленин и историческое значение его учения о государственном капитализме	78
<i>А. Эпштейн</i>	Понять новый мир и действовать	90
<i>Алан Фриман</i>	Продолжение классовой борьбы другими средствами	101
<i>Савас Михаил-Матсас</i>	Ленин и будущее	112
<i>Тамаш Краус</i>	Наследие Ленина. Социализм как единственная альтернатива (местному и глобальному) капитализму	120
<i>Михаэль Бри</i>	Семь причин не оставлять Ленина на растерзание нашим врагам	124
<i>Сунгур Савран</i>	Отрицание наследия Ленина	128
<i>В. Логинов</i>	Ленин и судьбы «европейской цивилизации»	138
<i>П. Абрамсон</i>	Диалектика пролетарской революции и созидания союза республик Европы и Азии	142
<i>Г. Бискэ</i>	Век Ленина	145
<i>П. Каторжевский</i>	Социальный идеал европейских левых партий в контексте отношения к опыту «реального социализма»	149
<i>С. Ретинский</i>	Ленинская концепция национального вопроса и современность	166
<i>А. Кедровских</i>	Политический слог Ленина	174

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЕСТЬ

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА», 1883-1903

<i>А. Васина</i>	О вкладе группы «освобождение труда» в издание работ К. Маркса и Ф. Энгельса	180
<i>В. Шевченко</i>	Освобождение труда: к истории и теории вопроса	192
<i>А. Грехов</i>	Либерализм и российская социал-демократия: выбор Г. В. Плеханова	202
<i>Ау Даны</i>	Вопросы развития марксизма в идейно-теоретическом наследии Г. В. Плеханова в оценке китайских исследователей в XXI веке	209
<i>П. Талеров</i>	Михаил Бакунин в воспоминаниях современников. Исторические источники	218
<i>А. Маслихин</i>	Группа «Освобождение труда» в воспоминаниях и оценках современников	228

ЛИБЕРАЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: ВЫБОР Г.В. ПЛЕХАНОВА

*Грехов Александр Васильевич –
д.филол.н., профессор, кафедра соци-
ально-гуманитарных наук, При-
волжский исследовательский меди-
цинский университет*

Аннотация. В статье освещена проти-
воречивость практической деятельности в
отечественном социал-демократическом
движении выдающегося российского марк-
систа Г.В. Плеханова. Либерализм, как
идейное течение, в XIX в. овладевает ума-
ми крупных российских мыслителей, отно-
сившихся к прогрессивной идеологии с

особым почтением и пиететом. Плеханов уделил либерализму пристальное внимание, но не закипился на нем и отдал мировоззренческое предпочтение марксизму, как более высокому по уровню рефлексии мировоззрению, посвятив ему всю свою теоретическую деятельность. В то же время в практической революционной деятельности социал-демократа Плеханова скрывали отголоски либерализма, не позволяя ему выйти за рамки классического марксизма, осовременить марксизм и творчески его интерпретировать. Подобная амбивалентность сформировала Плеханова своего рода предтечей российского еврокоммунизма.

Ключевые слова. Марксизм, социал-демократия, либерализм, Г. В. Плеханов, деятель-
ность, меньшевизм, социал-реформизм.

LIBERALISM AND RUSSIAN SOCIAL DEMOCRACY: THE CHOICE OF G.V. PLEKHANOV

*Grekhov Aleksandr Vasilyevich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social and Humanity
Sciences, Privolzhsky Research Medical University*

Abstract. The article highlights the inconsistency of practical activity in the domestic social-democratic movement of the outstanding Russian Marxist G. V. Plekhanov. Liberalism, as an ideological trend, in the XIX century took possession of the minds of major Russian thinkers who treated progressive ideology with special reverence and piety. Plekhanov paid close attention to liberalism, but did not fixate on it and gave ideological preference to Marxism as a higher worldview in terms of reflection, devoting his entire theoretical activity to it. At the same time, in the practical revolutionary activity of the Social Democrat Plekhanov, echoes of liberalism were shackled, not allowing him to go beyond classical Marxism, modernize Marxism and creatively interpret it. Such ambivalence shaped Plekhanov as a kind of forerunner of Russian Eurocommunism.

Keywords. Marxism, social democracy, liberalism, G. V. Plekhanov, activity, Menshevism, social reformism.

DOI: 10.5281/zenodo.11093011

Либерализм как идейное и политическое течение, как известно, ведёт свою исто-

рию ещё с XVI–XVIII веков, с эпохи первых буржуазных революций. В начале XIX века появился не только сам термин «либерализм», в Европе возникли либеральные политические партии.

Либералами были разработаны все основные принципы устройства прогрессивного буржуазного общества. Адам Смит, другие представители английской классической политэкономии обосновали экономическую концепцию либерализма (предоставление полного простора частной инициативе, создание условий для свободного предпринимательства, освобождение его от опеки государства). Джон Локк разработал идеи, на которых держится либерализм и поныне – система буржуазного парламентаризма, концепция «правового государства», принципы разделения властей (исполнительной и законодательной), обеспечения политических прав граждан (свобода слова, печати, вероисповедания, собраний и пр.). Действительно, смелые и привлекательные идеи!

В XIX в., совершенно очевидно, либерализм прочно осел в сознании ярких представителей отечественного общественного движения. Либерализм утверждался в России из столкновения интересов самодержавия и буржуазии с характерным для последней требованием ограничения произвола самодержавной бюрократии, развития местного самоуправления, введения политических свобод и выборного учреждения при монархе – совещательного или даже законодательного характера (предполагалось получить всё это из рук самодержца). Объективно либерализм не мог обойти стороной и Г. В. Плеханова, который уделил либерализму пристальное внимание, но не заикнулся на нем и отдал мировоззренческое предпочтение марксизму, посвятив ему свою теоретическую деятельность, как философскому учению более высокого уровня.

Наивысшего пика российский либерализм достиг в момент создания конституционно-демократической партии (1905 г.). Известнейший лидер левого либерализма, руководитель партии кадетов П. Н. Милюков был самой значительной фигурой русского либерального движения XX века. Его политический авторитет в либеральной среде был непререкаем.

Либералы, как правило, ограничивались ходатайствами, обращениями, просьбами, демаршами, банкетными кампаниями, переговорами в рамках, установленных царской властью. Милюков приводит яркий пример из истории Первой русской революции. Летом 1906 г. царь распустил Государственную думу. Этого кадеты никак не ожидали! Разобиженные таким бесцеремонным поступком власти, они собрались дать самодержавию достойный отпор. Поначалу эти борцы за свободу народа были настроены весьма воинственно. Было решено принять манифест с самым резким протестом против произвола власти. Предлагалось построить этот протест на принципе «пассивного сопротивления»: отказаться платить налоги и давать рекрутов правительству (так уже делалось когда-то в Венгрии). Милюкову поручили составить

этот манифест, который он тут же набросал карандашом. Однако тон манифеста показался кадетским депутатам уж очень миролюбивым. Раздавались голоса, что этому документу надо придать «...силу». Для окончательного принятия манифеста потребовалось собраться в Выборге.

Там поначалу настроение собравшихся оставалось «повышенным». Но потом, после некоторого размышления, оказалось, что и «пассивного сопротивления» не получается. До рекрутского набора было ещё далеко, а прямые налоги – это всего лишь ничтожная часть бюджета. Стоило ли из-за этого так решительно протестовать? Поступило предложение: а не призвать ли к политической забастовке, но это было отвергнуто сразу же и бесповоротно. Тогда подумали: может быть призвать к организованному действию народа, но без всякого насилия? Но и это пришлось откинуть по причине отсутствия ответа на вопрос: а если народ не готов? Оставалось только пойти на «тактический шаг» (в этом стал заключаться весь смысл манифеста) и найти наименее рискованный выход – «протестовать против правительственного насилия». На третий и четвёртый день интеллигентских словопрений появилось сомнение: а нужно ли вообще принимать это воззвание-манифест? Героический пафос стал иссякать на глазах. А тут весьма кстати, к облегчению всех собравшихся «выборгских заговорщиков», на сцену выступил «новый фактор» в виде последовавшего из столицы приказа выборгскому губернатору закрыть кадетское собрание. Было решено подписать воззвание «как оно есть», то есть в том виде, как его написал Милюков на пыльной крышке рояля. Только и всего. Из Петербурга погрозили пальцем, председатель Думы Муромцев закрыл собрание и, надев перчатки, удалился. (Интересно, что Милюков рассказывает об этом эпизоде «революционной деятельности» кадетов, как бы несколько подшучивая над своими однопартийцами) [См.: 5, с. 401-404].

Ещё на рубеже XIX–XX вв. у российских либералов появились виды на сближение с русской социал-демократией. Об этом не раз заявляли их лидеры. Кстати говоря, и социал-демократы видели в объединении буржуазной и мелкобуржуазной реформистской демократии позитивный процесс собирания оппозиционных сил для согласованного выступления против самодержавия. Не отгонять либералов дубиной критики, а всерьёз попробовать найти с ними необходимые точки соприкосновения – вот такая задача стояла тогда перед русской социал-демократией.

В. И. Ленин счёл даже необходимым помочь либералам организовать: в 1902 г. искровцы содействовали либералам в налаживании за границей издания их журнала «Освобождение», вокруг которого сложилась действительная нелегальная организация либералов «Союз освобождения».

Социал-демократия надеялась, что либералы помогут расшатать «союз самодержавия с некоторыми слоями буржуазии и интеллигенции», но уже вскоре для ленинцев прояснилось, что на деле либералы расшатывали «не столько самодержавия».

вие, сколько борьбу с самодержавием» [2, с. 441]. Плеханов же не оставлял надежд и, по сути, стал проводником **либерального марксизма** (требование политических свобод, экономических и др. преференций, но без решительных действий). Это привело его к противостоянию с большевистской партией, как политическим феноменом.

Большевизм и ленинизм оказались для интеллигенции своего рода исключением в его непримиримо-суровом отношении к либерализму, к идеологии и политике либералов. Раскол на большевиков и меньшевиков в социал-демократическом движении в 1903 г., расхождения Ленина и Плеханова шли, прежде всего, по этой линии. Либерализм стал для пролетарских революционеров самым основным камнем преткновения в партийно-политическом раскладе действовавших тогда политических сил. Популярность либерализма и его лидеров – идеологов, политиков, философов, литераторов, публицистов была в оппозиционной интеллигентской среде настолько высока, что до поры не шла ни в какое сравнение с известностью и авторитетом большевиков. Это надо признавать.

С раскола социал-демократии на большевиков и меньшевиков в 1903 г. началась история сотрудничества либералов с меньшевиками. Эта мелкобуржуазная часть социал-демократии соединилась с либерализмом на почве реформизма. Либерал-реформизм и меньшевизм порой настолько сближались, что невозможно было отличить правого меньшевика от левого либерала. Лидер кадетской партии П. Н. Милюков очень надеялся на сближение «либералов» с «революционерами» [5, с. 289], «на согласованное действие радикалов русского либерального движения с умеренными течениями социализма» [5, с. 234].

Становится понятным, почему в 1903 г. при личной встрече с Лениным Милюкову не удалось установить контакт с ним. Ленин не годился на роль представителя «умеренного» социализма. Другое дело – Плеханов. Будучи авторитетным европейского масштаба марксистом, Георгий Валентинович пытался с позиций марксизма оправдать политику либералов в русской революции тем, что России после свержения самодержавия (а в этом деле, считал он, без помощи либералов не обойтись) предстоит пройти длительный путь развития в рамках капитализма. Данного постулата Г. В. Плеханов придерживался вплоть до Великой российской революции: «Раз нам предстоит ещё пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним процессом, причём на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой буржуазия» [1, с. 237].

Склонность Плеханова к либерализму проявилась также в его ортодоксальной приверженности классическим принципам формационной концепции Маркса. Он был до конца верен известному постулату марксистской классики: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их

существования в недрах самого старого общества» [3, с. 7].

Расходиться с либералами по разные стороны баррикады – преждевременно и нерасчётливо: Плеханов настойчиво призывал русских социал-демократов «сблизиться и согласиться» с либеральным сообществом, чтобы вместе бороться «...там, где поле действия, где свистят пули и свирепствуют православные башибузуки» [6, с. 194]. Он призывал к единству действий с либералами, доказывая, что это будет способствовать росту классового самосознания пролетариата: «Но пролетариату нужна поддержка со стороны других классов трудящегося населения, и с этой стороны не малую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые так любят свободу и так далеки ещё от народной массы» [6, с. 218]. Даже так! «Мы делаем буржуазию орудием пролетариата» [7, с. 394], – заявил Плеханов на V съезде РСДРП. Он упорно придерживался этой позиции, в отличие от Ленина, отчаянно воевавшего с либералами.

П. Н. Милюков, не переставая, ухаживал за меньшевиками, приветствуя всякую их подвижку в сторону либерализма, и огорчался по поводу их дрейфа влево. «...некоторые аргументы меньшевиков, – вспоминал он события первой революции в России, – были довольно серьёзны, шли параллельно с нашими собственными – и мне, в эти самые месяцы, случалось хвалить Плеханова за его статьи в "Дневнике социал-демократа"» [5, с. 353]. «Благоразумное течение меньшевиков» в 1905-1907 гг. делало «...тактические выводы, настолько близкие с нашими, что, казалось, было возможно совместное действие с ними» [5, с. 407]. И поясняет, в чем же эти выводы заключались: «Такие вожди, как Аксельрод, Плеханов, доказывали основательно и серьёзно невозможность тактики захвата власти пролетариатом при помощи победоносной революции. Они продолжали утверждать, что только "буржуазно-демократическая" революция возможна в России и что с "либералами" и "капиталистами" не следует бороться, а надо их поддерживать» [5, с. 364–365]. В этом заключалось главное, чего хотели либералы от меньшевиков. Эти, по оценке либералов, «умеренные социалисты», представители «традиционного, классического, интеллигентского» социализма должны были помочь либералам занять первенствующую роль в политическом спектре страны, создать в России либерально-буржуазную политическую систему.

Меньшевики и в самом деле хорошо помогали либералам, стараясь погасить реформистской водицей пылкий радикализм рабочего движения, нейтрализовать большевистскую полемику с кадетами, называя её «кадетоедством», находя её чересчур резкой. Лидеры меньшевизма вставали на защиту либералов. Ю. О. Мартов назвал борьбу с кадетами «самоубийственной тактикой» [4, с. 9], утверждая, что «тактика, желающая исходить из принципа непримиримо самостоятельной классовой политики пролетариата, привела бы на деле к тому, что облегчила бы врагам такой политики успех у широких масс народа и самого пролетариата» [4, с. 13].

В 1917 г. меньшевизм окончательно перешёл на позиции либерал-реформизма. Бурные революционные события быстро и решительно обеспечили классовую «разборку», провели размежевание борющихся сил. Теперь уже стало невозможным все время «делать вид», подделываться под марксиста и революционера. Усидеть на двух стульях не удавалось. В мае 1917 г. наступил момент истины: оказавшись вместе с кадетами в одной команде в качестве министров-социалистов Временного правительства, меньшевики с гордостью заявили: «Мы – правительственная партия!» За несколько месяцев между меньшевиками и кадетами установились вполне дружественные отношения. Они активно сотрудничали в правительстве, а в печати, по существу, воздерживались от резкой критики друг друга.

Самый мудрый, самый опытный и самый авторитетный из меньшевиков Г. В. Плеханов подвёл итог многолетнему заигрыванию лидеров меньшевизма с либерал-реформизмом. Это произошло в августе 1917 г. на Государственном совещании, созванном Временным правительством в Москве с целью ликвидировать Советы и создать диктаторский режим, чтобы прекратить революцию. Перед двумя с половиной тысячами собравшихся (промышленники, землевладельцы, купцы, генералы, духовенство, представители эсеро-меньшевистского руководства Советов, научная интеллигенция, министры), большинство из которых составляли кадеты и монархисты, Плеханов вполне ответственно говорил: «Я полагаю, что в этот торжественный и грозный час, который переживает в настоящее время наша родина, мы обязаны выдвигать на первый план не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет» [1, с. 232]. Это социал-демократ говорил людям, которые вовсю готовили военную диктатуру, чтобы расправиться с революционным народом. На какой же почве он хотел столкнуться с ними?

Обращаясь к представителям торгово-промышленных кругов, Плеханов взывал к трибуны: необходимо искать сближение с рабочим классом в интересах всей России и в ваших собственных интересах. Надо прийти к соглашению с пролетариатом, а для этого провести широкие социальные реформы, которые выведут рабочего из «жалкого положения нищего-раба» и поднимут его на уровень передовых стран: «Если вы, представители торгово-промышленного класса, пойдёте с открытым сердцем по пути этих реформ, я утверждаю, что перед вами откроется путь чрезвычайно плодотворного соглашения с сознательными элементами рабочего класса» [1, с. 235]. Задев попутно «печальной памяти Ленина» с его планом перехода власти к Советам, Плеханов повторно изложил свою меньшевистскую, либеральную по сути, позицию: «...Россия переживает теперь капиталистическую революцию, а когда страна переживает капиталистическую революцию, то рабочему классу захватывать власть, полную политическую власть, совершенно неуместно» [1, с. 236]. Во имя значительной вескости своего утверждения он сослался на «чрезвычайно глубокие слова нашего общего учителя Фридриха Энгельса» о том, что «...для рабочего класса не может

быть большего несчастья, как захватить полноту политической власти в тот момент, когда он ещё не созрел для её плодотворного употребления в дело» [1, с. 236].

С точки зрения революционного марксизма, пропагандой которого неустанно чуть не всю жизнь занимался Георгий Валентинович, его выступление знаменовало собой полную сдачу всех позиций революционной социал-демократии перед либерал-реформизмом. Это совсем не похоже на Плеханова: какое-то приниженное заискивание перед буржуазно-монархической интеллигентской публикой, перед воротилами денежного мешка, перед либералами. Основоположник русского марксизма произнес проповедь классового сотрудничества. Подумать только! Он ратовал за соглашение «нищего-раба» рабочего с теми, кто довёл его до этого жалкого состояния, и униженно рассуждал о выгодах такого соглашения. Да ещё говорил это (ирония истории!) за каких-то два месяца до Октябрьской социалистической революции, вдохновившей на борьбу рабочих всего мира.

Как объяснить подобную праксиологическую метаморфозу?

Во-первых, на протяжении многих лет Плеханов проявлял постоянные колебания между революционным марксизмом и реформизмом (либерализмом), оправдывая их тактическим расчётом: «А политическая мудрость требует от нас того, чтобы мы охотно шли на соглашения с непролетарскими партиями во всех тех случаях, когда это необходимо для победы над реакцией» [7, с. 332].

Во-вторых, приверженность ортодоксальному марксизму сделала Плеханова предтечей российского еврокоммунизма: «В 1847–1848 гг. Маркс считал буржуазию *революционной* и потому, – и *только* потому, – советовал пролетариату идти рядом с ней в её борьбе со старым порядком» [7, с. 392]. В практической деятельности эта приверженность сковывала социал-демократа Плеханова, не позволяя выйти за рамки классического марксизма и творчески осовременить его.

Литература

1. Государственное Собрание. 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчёт / С предисловием Я.А. Яковлева. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 372 с.
2. Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1979. – С. 433–470.
3. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1959. – С. 1–167.
4. Мартов Л. Избирательные соглашения. – СПб.: Новый Мир, 1907. – 30 с.
5. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). – М.: Современник, 1990. – 446 с.
6. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII / Под ред. Д. Рязанова. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 380 с.
7. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XV / Под ред. Д. Рязанова. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 472 с.